

БЫЛИ И НЕБЫЛИ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ 1558–1583 ГОДОВ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
В 67

Волков В.А.

В 67 **Были и небыли ливонской войны 1558–1583 годов /**
В.А. Волков. — М.: Прометей, 2020. — 412 с.

ISBN 978-5-907244-92-4

Новая монография известного российского историка В.А. Волкова посвящена изучению одной из самых сложных и востребованных наукой проблем — Ливонской войны 1558–1583 гг. Автор смог объективно и точно реконструировать все обстоятельства этого масштабного вооруженного конфликта. Воссозданная им картина самой продолжительной войны Ивана Грозного представляет несомненный интерес как для специалистов, так и для читателей, интересующихся военной историей России.

ISBN 978-5-907244-92-4

© Волков В.А., 2020

© Издательство «Прометей», 2020

Оглавление

Введение	5
Глава 1.	
Старинная, но неуплаченная «Юрьевская дань», или Как жадность и обман погубили процветающую страну Ливонию	20
Глава 2.	
Первый удар. Война до войны	37
Глава 3.	
Покорение царскими войсками Восточной Ливонии. Майское перемирие 1559 года	50
Глава 4.	
Распад Ливонской конфедерации и секуляризация Немецкого ордена. Аннексия земель Прибалтики соседними государствами	60
Глава 5.	
Начало Московско-Литовской войны 1562–1570 годов	86
Глава 6.	
Полоцкий поход Ивана Грозного	97
Глава 7.	
Недолгое русско-литовское «замирение». Сражения и походы 1564–1570 годов	123

Глава 8.

Битвы на «свейских» рубежах 164

Глава 9.

Возобновление войны с Речью Посполитой.

Первые походы Стефана Батория и перелом

в ходе военных действий..... 187

Глава 10.

Псковская оборона и крушение замыслов короля Батория 261

Глава 11.

Военные действия 1582–1583 годов.

Завершение Ливонской войны 291

Заключение 303

Сокращения 306

Библиография (источники и труды исследователей) 307

Приложения:

1. Рюссов Бальтазар. Из Ливонской хроники 331

2. Ниенштедт Франца. Из Ливонской летописи

Франца Ниенштедта, бывшего рижского бургомистра

и королевского бургграфа 337

3. Баторий Стефан. Артикулы, которые всему рыцарству,

и всем, кто бы ни поступил в войско, должны быть

объявлены, как ротмистрам, так и товарищам

и всем другим, которые явятся на службу

его королевского величества и Речи Посполитой..... 342

4. Поссевино Антонио. Протоколы Ям-Запольского

перемирия 350

Введение

Тема, затронутая в этой книге, — одна из самых интересных, но все еще до конца не проясненных в истории нашего Отечества. «Как же так? — увидев такое утверждение, спросит эрудированный читатель. — Ведь на сегодняшний день изданы монографии, книги, статьи, эссе, повествующие об отчаянной, но, увы, неудачной попытке Ивана Грозного прорваться к Балтийскому морю, о сражениях, битвах и осадах, происходивших четверть столетия назад на западных и северо-западных рубежах Московского царства». Но, тем не менее, повторим: именно Ливонская война так доньше и не получила полного и развернутого исторического описания. Притом следует учесть, что в документальных, мемуарных и нарративных источниках она освещена лучше многих других военных предприятий царя Ивана Васильевича. Думается, связано это с принципиально разными суждениями, оценками событий Ливонской войны в русских и европейских документах, под которые и подбирались факты и лжефакты, запечатленные не только на страницах летописей и хроник, но даже в дипломатической переписке того времени. Очень сложно реконструировать происходившее на полях сражений Ливонии почти 500 лет назад путем обычного

сопоставления сведений из отечественных и европейских источников, так как во многом они полностью противоречат друг другу, обеляя действия своих полководцев и воинов и очерняя действия противника. К сожалению, в нашей исторической литературе сложилась тенденция при описании войны за Ливонию ориентироваться на сочинения немецких, литовских, польских, шведских и других иноземных авторов. Утверждается, что они якобы более точны, информативны, реалистичны и красочны. Именно оттуда и берутся зачастую выдуманные или искаженные сведения о жестокости царских воинов, расправах, творившихся русскими в Полоцке, ливонских городах, при умалчивании о бесчинствах европейской солдатни в Полоцке, Соколе, Ругодиве (Нарве), других схожих случаях. Сформировалось искаженное восприятие событий последних этапов войны, когда рати Ивана Грозного стали терпеть поражение за поражением, что объясняется, как правило, якобы полным превосходством европейской военной организации над русской, чисто ополченской (но при этом забывают о существовании в то время в московском войске достаточно боеспособных стрелецких и казачьих подразделений и великолепной артиллерии). Допускаются и совсем неуместные насмешки над фатальными неудачами первого русского царя, наряду с укоренившимися в западной историографии восторгами в адрес Стефана Батория — спасителя Европы от нашествия «диких» московитов. Все это в значительной степени является «НЕБЫЛЯМИ», или, как принято сейчас называть, историческими мифами. Их следует тщательно выявлять и дезавуировать, что и стало целью написания данной книги.

Еще одним серьезным мотивом приступить к рассмотрению истории Ливонской войны стало многообразие мнений ученых, пытавшихся осознать значение этого вооруженного конфликта в числе других внешнеполитических акций Московского государства второй половины XVI века, а также

определить итоги и последствия поражения в развернувшейся битве за Восточную Прибалтику.

Среди работ, посвященных изучению Ливонской войны, весьма актуальным остается докторское диссертационное исследование Георгия Васильевича Форстена «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648 гг.)», профессора всеобщей истории Петербургского университета. Первый том этой фундаментальной работы посвящен начатой Россией в 1558 году войне за Прибалтику. Написанная по ливонским, польским и немецким источникам, книга Форстена дает широкую панораму событий, происходивших в то время на орденских землях. Единственным серьезным упущением автора, с нашей точки зрения, стало заявление о неправомерности русского требования о возобновлении уплаты «юрьевской дани», высказанное им на основе немецких документов. За Россией Г.В. Форстен признает лишь право Пскова на получение с ливонцев мизерной дани в 5 пудов меда, подчеркивая тем самым несправедливость выдвинутого царем Иваном IV ультиматума выплатить ему по одной марке с каждого дома в Дерпте (Юрьеве Ливонском)¹.

Не менее важна книга российско-польского историка Витольда Владиславовича Новодворского «Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой» — доработанный вариант его магистерской диссертации, защищенной в 1904 году в Санкт-Петербургском университете². Исследование Новодворского, использовавшего ряд неизвестных на тот момент польских и немецких источников, и сейчас

¹ Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. I. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893. С. 86.

² Новодворский В.В. «Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570–1582)». СПб., 1904. (Переизд.: Новодворский В.В. Ливонский поход Ивана Грозного. М., 2010).

востребовано специалистами по военной истории России и Польско-литовского государства второй половины XVI столетия¹.

В советское время вышла всего одна серьезная монографическая работа, посвященная борьбе за Прибалтику, начатой русским царем. Речь идет о выпущенной в 1954 году книге Владимира Дорофеевича Королюка «Ливонская война». Многие положения этой первой достаточно популярной и фрагментарной монографии устарели, ряд утверждений автора подвергнут справедливой критике. Однако, как это часто бывает, оспаривались именно очень точные его наблюдения о принципиально разном видении Иваном IV и Алексеем Адашевым стоявших перед Россией внешнеполитических задач². С другой стороны, неотмеченными остались действительно существенные недостатки работы Королюка: слабое освещение хода военных действий, отсутствие всякого упоминания о военной реформе Стефана Батория (!), объяснение причин поражения не только действительными факторами (экономическим истощением страны), но и изменническими действиями бояр-заговорщиков. Даже героическая оборона Пскова, сыгравшая исключительно важную роль в срыве дальнейших завоевательных планов польского короля и в итоге приведшая к окончанию войны,

¹ Володихин Д.М. О В.В. Новодворском и его исследованиях Ливонской войны // Новодворский В.В. О взятии Полоцка войсками Стефана Батория в 1579 г. Полоцк, 1997. С. 3–4.

² Курукин И.В. К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 30–33. Сходная точка зрения высказывалась и другими исследователями: Шмидт С.О. Правительственная деятельность Адашева // Уч. зап. МГУ. Вып. 167. М., 1954. С. 53; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 46.

описана автором недостаточно полно. Тем не менее, любое современное исследование событий Ливонской войны невозможно без обращения к небольшой по формату, но содержательной книге В.Д. Королюка.

Чисто историографическое значение имеет небольшая книга С.В. Бахрушина «Разгром Ливонского ордена в Прибалтике (XVI век)» — отдельная перепечатка его статьи с похожим названием в «Историческом журнале». Написанное с использованием одной летописи (Никоновской) и двух немецких хроник (Б. Рюссера и Ф. Ниенштедта) сочинение представляет собой интересный популяризаторский очерк начального периода Ливонской войны¹. То же следует сказать о книге И.И. Смирнова «Иван Грозный», предложившего в VI-й главе своей работы — «Ливонская война» — периодизацию этого конфликта, включающую 4 этапа (как это принято и сейчас)², и статье доцента Высшей школы пропагандистов им. Я.М. Свердлова при ЦК ВКП Б. Г. Верховня³.

Основные направления внешней политики России второй половины XVI века через призму борьбы с татарскими нападениями были рассмотрены Алексеем Андреевичем Новосельским. Исходя из общего для большинства советских историков тезиса о невозможности для Московского государства вести в то время борьбу с Крымом и Турцией, он полагал, что в сложившейся обстановке более перспективным являлось включение России в борьбу за выход к Балтийскому морю. При этом исследователь утверждал, что «Ливонская война была задумана царем Иваном IV задолго

¹ Бахрушин С.В. Разгром Ливонского ордена в Прибалтике (XVI век). Ташкент, 1942; Бахрушин С.В. Разгром Немецкого ордена в Прибалтике Иваном IV (1560) // ИЖ. 1941. № 10–11.

² Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944. С. 73–84.

³ Верховень Б.Г. Ливонская война // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 2. С. 49–58.

до ее начала...»¹, впрочем, не подкрепляя свое заявление доказательной ссылкой на источники. Более убедительными представляются выводы Новосельского о тесной связи татарских нападений с событиями Ливонской войны и невозможности сосредоточения всех русских сил в Прибалтике из-за опасности вторжения крымских и ногайских орд. Угроза татарского нападения оставалась реальной: как доказал исследователь, лишь в течение трех из 24 лет войны на южных рубежах Русского государства не было зафиксировано крымских набегов².

Среди специалистов, изучавших причины Ливонской войны, есть несколько историков, полагавших, что произошедшее в конце 1550-х годов изменение внешнеполитического курса русского правительства стало ошибкой. Еще Николай Иванович Костомаров писал: *«Время показало все неблагоприятие поведения царя Ивана Васильевича по отношению к Крыму»*. Он *«не воспользовался удобным временем — эпохою крайнего ослабления врага, а только раздражил его, дал ему время оправиться и впоследствии возможность отомстить вдесятеро Москве за походы Ржевского, Вишневецкого и Адашева»*³. Эту точку зрения вполне разделял историк-эмигрант Георгий (Джордж) Владимирович Вернадский, подчеркнувший, что борьба с татарами являлась «подлинно национальной задачей», которая, несмотря на сложность покорения Крыма (по сравнению с завоеванием Казани и Астрахани), была вполне выполнимой. Помешала ее решению начатая в январе 1558 года Ливонская война. *«Реальная дилемма, с которой столкнулся царь Иван IV, — писал*

¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. С. 12.

² Там же. С. 17–23

³ Костомаров Н.И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Костомаров Н.И. Собр. соч. Кн. 5. Т. 13. СПб., 1905. С. 402–403.

Г.В. Вернадский, — *состояла не в выборе между войной с Крымом и походом на Ливонию, а в выборе между войной только с Крымом и войной на два фронта как с Крымом, так и с Ливонией. Иван IV избрал последнее. Результаты оказались ужасающими*»¹. Исследователь высказал интересное предположение, что направленная в Ливонию русская армия первоначально предназначалась для военных действий против Крымского ханства. Во главе нее стояли служилые татарские царевичи: Шах-Али, Кайбула и Тохтамыш — последний был московским претендентом на бахчисарайский ханский трон. Вверенные этим титульным воеводам части по преимуществу состояли из соединений касимовских и казанских татар. Лишь в последний момент армия, предназначенная для вторжения в Крым, была отправлена на границу с Ливонским орденом². Решив начать борьбу за Прибалтику, царь потерял интерес к проблеме Крыма. Все силы и ресурсы страны были переброшены им на северо-запад, но случилось это лишь непосредственно перед началом войны. В этой связи следует очень осторожно отнестись к отмеченным Леонардом Адамовичем Дербовым обстоятельствам обнаружения ливонскими послами, возвращавшимися из Москвы в 1554 году, русских военных приготовлений на северо-западных своих границах. Тот факт, что орденские и дерптские дипломаты «встречали на дороге через каждые 4–5 миль новые ямские дворы с множеством лошадей и видели огромные обозы с оружием, порохом и свинцом, направлявшиеся к ливонскому рубежу», на тот момент следует воспринимать исключительно как демонстрацию силы и средство психологического давления на власти Ордена с целью заставить их отказаться от поддержки Швеции, собиравшейся начать войну с Россией и искавшей союзников среди соседей. Расчет русских

¹ Вернадский Г.В. Московское царство. Ч. 1. Тверь, М., 1997. С. 90.

² Там же. С. 89.

властей оказался точным. Перепуганная Ливония, первоначально охотно поддерживавшая военные приготовления шведского короля Густава I, так и не решилась на открытую конфронтацию с Московским государством¹.

Недостаточная изученность многих обстоятельств Ливонской войны порождает досадные ошибки даже в работах маститых исследователей. Примером может служить известная монография Александра Александровича Зимина и Анны Леонидовны Хорошкевич «Россия времени Ивана Грозного». Так, вопреки давно известным фактам, авторы определили численность оборонявшего в 1581 году Псков русского гарнизона в 50 тыс. пехоты и почти 7 тыс. конницы. Получается, в городе находилось на 10 тыс. воинов больше, чем у Батория, пришедшего под стены Пскова с 47-тысячной армией. (Ни один разряд русской армии того времени не называет такой численности ратных людей. Многие современные историки полагают ее максимальной для всей русской армии!). Грубой ошибкой является утверждение Зимина и Хорошкевич о заключении перемирия между Россией и Швецией в *Плюссе* (в действительности же, конечно, — *на реке Плюссе*)².

¹ Дербов Л.А. К истории падения Ливонского ордена // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та. Т. 17. Саратов, 1947. С. 164; Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 342.

² Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 141, 144. Это тем более поразительно, что в другой работе одного из авторов книги — А.А. Зимина, написанной раньше, но изданной лишь посмертно, под названием «В канун грозных потрясений», показана действительная сложность проблемы оценки реальной численности войск польского короля С. Батория и псковского гарнизона. В этой работе в качестве наиболее достоверных Зиминым были названы совсем иные данные. Пр процитируем мнение историка, не искаженное его ученицей: «Армия Батория насчитывала 47 тыс. воинов, из которых 27 тыс. составляли немецкие и венгерские наемники. Русские силы во Пскове были менее значительны. Согласно разряду 1580 г. там должно было находиться

Можно привести еще целый ряд подобных примеров, однако и указанные выше свидетельствуют о запутанности и неизученности многих ключевых аспектов и деталей одного из самых важных периодов средневековой русской истории. Разобраться в хитросплетениях борьбы за Ливонию пытаются в последнее десятилетие А.И. Филюшкин, Д.Н. Володихин, В.В. Пенской, белорусский историк А.Н. Янушкевич¹. Иногда удачно, иногда — не очень. Особенно настораживает желание современных исследователей сказать новое слово в науке. Так, В.В. Пенской в статье «Случайная война...» (название явно неслучайное) пишет, что *«ливонская проблема долгое время для Ивана Грозного была лишней, возникшей в самое неподходящее время»* ..., что *«развить первоначальный успех (он-то и был «случайным»,*

12–15 тыс. человек. По данным, полученным в Польше, Псков обороняли 6 тыс. стрельцов и 3 тыс. конницы; по сведениям Р. Гейденштейна — 50 тыс. пехоты и 7 тыс. конницы» (Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 73). Каким образом и почему в монографии, написанной (а скорее приписанной) А.А. Зимину его соавтором А.Л. Хорошкевич, стали фигурировать не вызывающие доверия данные Р. Гейденштейна, было и остается непонятным.

¹ Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013; Филюшкин А.И. Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного М., 2018; Филюшкин А.И., Кузьмин А.В. Когда Полоцк был российским: Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1577. М., 2017; Filjushkin Alexander. Ivan the Terrible: A Military History. London, 2008; Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009; Володихин Д.М. Иван Грозный. Бич Божий. М., 2006; Володихин Д.М. Иван Шуйский. М., 2012; Пенской В.В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. М., 2017; Пенской В.В. Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562–1570 гг. М., 2019; Янушкевич А.Н. Ливонская война. Вильно против Москвы. 1558–1570. М., 2013. Все названные авторы отметились и многочисленными статьями по данной теме в разных научных и популярных журналах и сборниках.

как становится ясно из контекста), достигнутый в Ливонии к началу 60-х годов, ему (Ивану Грозному. — В.В.) не удалось. Да и, судя по всему, он к этому и не стремился. Взав Дерпт ... и Нарву, он решил на этом остановиться, сосредоточив свои усилия на более важном, первостепенном направлении — литовском, перейдя к обороне на южном — крымском. **Ливония же окончательно перешла на второй план**¹. Красиво и очень, очень оригинально. Но в таком случае историку следует объяснить навязчивое желание Ивана Грозного овладеть Ревелем, осаждать который он отправлял лучших полководцев. Также — его переживания по поводу потери Нарвы в конце войны, стремление вернуть ее. Наконец, готовность русского правительства на переговорах 1566 года отказаться от завоеванного Полоцка ради приобретения «Вифлянской земли» — Ливонии, прежде всего Риги и 30 других прибалтийских городов². Не стоит забывать и категорический приговор Земского собора 1566 года: *«царю и великому князю Ливонские земли городов польскому королю никак не поступатися и за то крепко стояти»*³. Как видим, не уходила Ливония на второй план ни в 1560-е годы, ни позднее⁴.

¹ Пенской В.В. Случайная война... (Ливонская война и внешняя политика Ивана Грозного) // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2017. Т. 4 (1). С. 60–61.

² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 3-я (годы с 1560 по 1570). Т. 3 // Сб. РИО. Т. 71. № 16. С. 394.

³ ПСРЛ. Т. 13. С. 402

⁴ Справедливости ради отметим, что упомянутая статья В.В. Пенского интересно и достаточно точно трактует ход событий на южных рубежах Московского государства, осмысливает значение борьбы с набегами крымских и ногайских татар для судеб нашей страны. При этом, образно говоря, звон сабель на границе с Диким Полем заглушил для него грохот пушек у стен городов и замков в Ливонии

Определенный интерес для целей нашего исследования представляют выводы, сделанные историками, высказавшими свои мнения и доводы в ходе дискуссии «Первая война России и Европы. “Неизвестная” Ливонская война», проведенной в 2004 году редакцией журнала «Родина»¹. Некоторые вопросы, поднятые тогда участниками, сохраняют актуальность и сейчас. Еще дальше пошли авторы статей в специальных сборниках, посвященных ключевым проблемам ставшей очень востребованной темы: «Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв.» (по материалам конференции, состоявшейся на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета в ноябре 2007 г.) и «Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию с начала Ливонской войны»². Ряд работ, опубликованных в этих сборниках, ценен тем, что позволяет по-новому рассмотреть ход военных действий на ливонском, литовском, шведском рубежах Московского государства.

Остановимся еще на одном важном обстоятельстве — в последнее время внимание научной общественности привлекают попытки двух достаточно авторитетных и деятельных историков оспорить сам термин «Ливонская война». Одним из них является уважаемый Александр Ильич Филюшкин. Исходя из постоянной смены противников России в Ливонской войне, он предложил именовать ее и другие

¹ Первая война России и Европы (Неизвестная Ливонская война) // Родина. 2004. № 12. С. 42–48.

² Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. Сб-к научн. статей. / Под ред. Ю.Г. Алексеева, А.И. Филюшкина (отв. редактор), В.А. Якубского, С.С. Смирновой. М., 2010; Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию с начала Ливонской войны / сост. и отв. ред. А. Н. Лобин. СПб., 2015.

конфликты второй половины XVI века «Балтийскими войнами»¹. Впрочем, с таким смелым и дерзким предложением не согласился Виталий Викторович Пенской. Он, анализируя происходившие во время боевых действия события, вполне резонно заявил, что «название *“Балтийские войны” представляется не совсем точно отражающим их подлинную сущность*». По его мнению, «Балтийскими» эти войны назвать нельзя, так как боевые действия шли в то время в основном на суше, а не на балтийских морских просторах. Поэтому все эти конфликты, с точки зрения исследователя, следует считать «Войной за ливонское наследство», растянувшейся на 40 лет (с 1555 по 1595 год). Причем автор данного утверждения полагает, что разгоревшееся в Прибалтике вооруженное столкновение стало, по сути, лишь первым этапом борьбы за «Ливонское» наследство, растянувшейся в итоге на без малого два с половиною столетия². Впрочем, оба достаточно авторитетных исследователя в своих книгах и статьях часто используют и «отмененное» ими название Ливонская война³, что более привычно российским

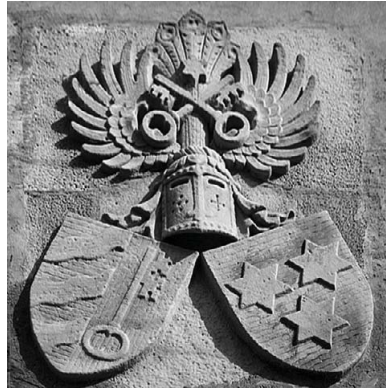
¹ Филюшкин А.И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., 2010. С. 80–94; Филюшкин А.И. Как изучать Ливонскую войну? (историографические заметки) // Российская история. 2015. № 4. С. 7–8.

² Пенской В.В. Очерки Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561. М. 1917. С. 7–8.

³ См., например, уже названные работы А.И. Филюшкина и В.В. Пенского: Филюшкин А.И. Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного М., 2018; Filyushkin A. The Livonian War in the context of the 16-th century East European wars // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1 (15). С. 47–64; Пенской В.В. Случайная война... (Ливонская война и внешняя политика Ивана Грозного) // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. Т. 4 (1). С. 41–68.

историкам и публицистам. И, в общем-то, правильно. Ведь чередой продолжительных конфликтов данное вооруженное противостояние представляется исключительно с позиций западных участников и очевидцев боевых действий против «москвитов» — ливонских, литовских, польских, немецких, шведских и других. С русской же стороны это была одна длительная и тяжелая война за государевы «отчины» — сначала Ливонскую, а потом Полоцкую, Псковскую, Новгородскую, Смоленскую...

На сегодняшний день изучение Ливонской войны продолжается, этот процесс еще далек от своего завершения. Тем не менее следует особо сказать об одной из недавних работ, посвященной самому знаменитому и самому неудачному внешнеполитическому предпринятию Ивана Грозного Речь идет о книге современного «историка» А.А. Шапрана «Ливонская война. 1558–1583 г.». Многие

*Герб Ливонского ордена.
Барельеф над воротами
Дундагского замка*

в ней вызывает недоумение и даже отторжение. В том числе и странное заявление, что эта «*работа претендует на то, чтобы стать первой, полностью посвященной Ливонской войне*»¹. Создается впечатление, что о книгах С.В. Бахрушина, В.Д. Королюка, интересных статьях на эту тему автор просто не знает. Во всяком случае в списке литературы

¹ Шапран А.А. Ливонская война 1558–1583 г. Екатеринбург, 2009. С. 10.

им не упоминается даже знакомый всем медиевистам труд Владимира Дорофеевича Королюка. Не менее поражает морализаторство и даже ханжество А.А. Шапрана, объясняющего непопулярность Ливонской войны у «масс» (лучше было сказать — у населения) ее несправедливостью. По мнению автора, *«не может быть популярной любая несправедливая захватническая война»*¹. На самом деле, конечно же, может — история знает множество таких примеров, от завоевательных войн Рима до колониальных «побед» Британии и других европейских стран в Индии, Африке и Китае, вплоть до последних войн нашего времени. Вспомним хотя бы, как одурманенные нацизмом немцы мечтали о поместьях на Украине, в Крыму и Белоруссии. И яростно сражались за эти поместья, где работать на них должны были славянские рабы... непопулярными становятся лишь неудачные захватнические войны. Вернемся, однако, к другим «открытиям» Шапрана. Ливонская война им однозначно объявлена несправедливой, а вот Северная война 1700–1721 годов провозглашается справедливой и освободительной, так как ввелась за освобождение захваченных Швецией ижорских и карельских земель². Однако жизнь сложнее таких полудилетантских рассуждений, и автору следовало бы объяснить, почему после начала Петром I войны за выход к Балтийскому морю не только ижоряне и карелы, но и *«...русские мужики [были] к нам неприятны, многое число беглых из Новгорода, и с Валдая, и ото Пскова, и добрее они к шведам, нежели к нам»* (из донесения Бориса Шереметева. 1703 год.)³. И где здесь «справедливость» по-шапрановски: в Москве или ин-германландских местах?

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 18–19.

³ Тимченко-Рубан Г.И. Первые годы Петербурга. СПб., 1901. С. 75.

* * *

Задачей нашего исследования является изучение подлинных, не искаженных и не извращенных событий Ливонской войны. Ради этого следует внимательно рассмотреть и подтвердить или опровергнуть распространенные в прошлом и даже сейчас адекватные представления («были») и лживые мифы (небыли) об этом весьма продолжительном вооруженном конфликте.

Глава 1.

Старинная, но неуплаченная «Юрьевская дань», или Как жадность и обман погубили процветающую страну ливонию

Значительные успехи, достигнутые в противостоянии с татарскими ханствами (два из которых, Казанское и Астраханское, вошли в состав России в 1550-х годах), побуждали царя Ивана IV продолжать действовать в данном направлении. Безопасность восточных границ была обеспечена, следовало сделать спокойным и южное порубежье... Но этой великой цели — окончательного устранения угрозы со стороны татарских орд — не удалось достигнуть: в причерноморских степях продолжало существовать Крымское (Перекопское) ханство, в 1475 году перешедшее под власть Османской (Турецкой) империи. Мощного удара по Крыму не получилось, так как в это же время возникла другая дипломатическая проблема — внезапно обострившийся конфликт на северо-западном рубеже, где Россия граничила с Ливонской конфедерацией. Это был союз епископств и городов, сложившийся вокруг Ливонского ордена (аутентичное название, которое употреблялось тогда в документах для этого рыцарского братства — «Кавалерский Тевтонский орден в Ливонии»). Могучая некогда военно-духовная организация тевтонских рыцарей-крестоносцев постепенно слабела и разрушалась. Грюнвальдское поражение 1410 года и особенно Тринадцатилетняя польско-тевтонская

война 1454–1466 годов привели к капитуляции Ордена. По Второму Торуньскому договору 1466 года к Польше были присоединены Гданьское Поморье, земли Хелминская и Михаловская, Мариенбург (польск. Мальборк), Эльбинг (польск. Эльблонг). Позже эта потерянная часть Тевтонского ордена стала называться Королевской Пруссией. Поскольку старая резиденция магистра — Мариенбург — оказалась потеряна, новой столицей Ордена стал Кёнигсберг, находившийся на территории Восточной (Орденской) Пруссии. В 1525 году великий магистр Тевтонского (Немецкого) ордена Альбрехт Гогенцоллерн перешел в протестантизм и по совету Мартина Лютера секуляризировал Пруссию, ставшую герцогством, а позже и королевством. Он признал вассальную зависимость от Польши и 8 апреля 1525 года в Кракове принес присягу королю Сигизмунду I (Зыгмунду Старому), преклонив перед ним колени. Независимость сохранил лишь упомянутый выше Кавалерский Тевтонский орден в Ливонии — младшее подразделение (первоначально ландмейстерство) государства тевтонских рыцарей. Оно превращалось в самостоятельное орденское государство (Ordensstaat), площадь которого составляла 67 тыс. кв. км¹. И если в XIII–XIV веках ливонские магистры назначались гроссмейстерами Тевтонского ордена, то с 1413 года они избирались капитулом, то есть собранием представителей орденских конвентов Ливонии. Каждый замок являлся центром округа (*гебит*), во главе которого стоял «окружной начальник» (*гебитуигер*) – комтур или фогт. В то же время в Прибалтике сохранялись и другие государственные объединения, конкурировавшие или сотрудничавшие с Орденом. Среди них выделялись Рижское архиепископство (18 тыс. кв. км) и три епископства — Эзельско-Викское (7,6 тыс. кв. км), Курляндское (4,5 тыс. кв. км) и Дерптское (4,5 тыс. кв. км). Владения

¹ Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV в. Истоки конфликта. М., 2015. С. 53.

рижского архиепископа и епископов эзельвикского и дерптского считались «марками» (пограничными областями) Священной Римской империи¹. По этой причине духовные правители этих епархий являлись и светскими государями — ландсгеррами, подчиняясь не только римскому папе, но и германскому императору. Из церковных иерархов Ливонии политической власти не было только у ревельского епископа. Он не имел диоцеза и не мог претендовать на звание ландсгерра.

Особое место занимали города, обладавшие самоуправлением, возглавляемые выборными бургомистрами и ратманами. Часть их вошла в знаменитый Ганзейский союз — Рига, Ревель, Дерпт², Венден, Вольмар, Кокенгаузен, Рооп (Страупе), Лемзаль, Виндава, Гольдинген, Феллин, Пернау. Один из крупнейших городов и торговых центров Ливонии Нарва в Ганзу принята не была, несмотря на хлопоты Любека. Против выступил Ревель, власти которого выдвинули требование прекращения контактов с русским Ивангородом³.

Для координации деятельности Ордена, других ландсгерров и городов в начале XVI века начинают созываться ливонские ландтаги. Первый из них состоялся в 1421 года в городе Валке (Влехе) по инициативе 13-го рижского архиепископа Иоганна VI Амбунди. Ландтаг состоял из 4 курий: в первую входили рижский архиепископ и епископы Ливонии, аббаты Фалькенау и Падиса, капитулы каноников и монастыри; во вторую — власти Ливонского ордена («коллективного государя-ландсгерра») и гебитигеры; в третью — рыцари, ленники

¹ Там же. С. 53, 61.

² По подсчетам М.Б. Бессудново население трех крупнейших ливонских городов составляло: Риги — 10–15 тыс, Ревеля — 7–9 тыс., Дерпта — 5–6 тыс. чел. В Пернау и Нарве — ок. 1000 чел. — Там же. С. 58.

³ Петров А.В. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб, 1901. С. 91.

Ордена и епископов, а также советники ландсгерров; в четвертую — представители немецкого населения крупнейших городов и коменданты замков¹. Для принятия решения требовалось полное согласие всех четырех курий.

Вслед за ландтагами возникают и местные сословные собрания рыцарей — маннтаги. Они существовали в Рижском архиепископстве со второй половины XIV века и в Эстляндии с 1524 года².

Все вассалы ливондских ландсгерров несли конную службу, а также выставляли в войско вооруженных крестьян в зависимости от имеющихся у них дворов³.

Судьбоносным для Ордена и Ливонии стало сражение под Вилькомиром⁴ (литовск. Побойская битва). Оно произошло 1 сентября 1435 года и закончилось сокрушительным поражением союзного литовско-русского и орденского войска Свидригайло Ольгердовича и магистра Франциска фон Керскорфа (Кирсдорфа). Их разгромил поддержанный поляками новый литовский государь Сигизмунд Кейстутович. Сам магистр Керскорф, а также комтур Феллина Вернер фон

¹ Бессуднова М.Б. Замки Ливонского ордена на рубеже XV–XVI в. // *Studia Teutonica*. Исследования по истории Немецкого ордена. 2012. Вып. 1. С. 74.

² Вебер Д. И. Организация сословно-представительных собраний в Ливонии в Средние века и раннее Новое время // *Средние века*. М., 2016. Т. 77. № 3–4. С. 125; Бессуднова М.Б. К вопросу о элитах орденского государства (по материалам ливонских ландтагов конца XV — начала XVI вв.) // *Научные ведомости Белгор. гос. ун-та*. 2010. № 7 (78). Вып. 14. С. 69–76; Бессуднова М.Б. Особенности системы административно-территориального управления Ливонского ордена в начале XVI в. // *Вехи минувшего*. Уч. зап. ист. ф-та ЛГПИ. Выш. 1. Липецк, 1999. С.51–57.

³ Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV в. Истоки конфликта. М., 2015. С. 57; Вебер Д. И. Организация сословно-представительных собраний в Ливонии в Средние века и раннее Новое время. С. 127–128.

⁴ Современ. литовский город Укмерге.

Нессельроде (бывший ливонский ландмаршал) и многие рыцари погибли, часть братьев попала в плен¹. Поражением Ордена воспользовались другие ливонские ландстерры, прежде всего рижский архиепископ Хеннинг Шарпенберг. Система управления Ливонией была тогда существенно изменена. Шарпенберг смог договориться с новым магистром Генрихом фон Бокенфорде по прозвищу Шюнгель (Heinrich von Bockenvorde alias Schungel), и 4 декабря 1435 года они заключили соглашение об образовании Ливонской конфедерации на очередном ландтаге в городе Валк².

Однако в новом конфедеративном государстве продолжала сохраняться религиозная и этническая рознь, продолжая ослаблять его. Естественно, заметно снизилась и военная мощь немецкого Ордена. Впрочем, его руководителей это нисколько не волновало — они были заняты укреплением своей власти. Процесс зашел достаточно далеко, и Вильгельм фон Фюрстенберг первым начал подписываться в документах: «Wier, Gottes Gnaden» («Мы, Божьей Милостью»); прежние магистры указывали: «Wier, Bruder» («Мы, брат»). Также, как Фюрстенберг, стал подписываться и его преемник, последний магистр Готтхард Кеттлер³.

Между тем, опасность поглощения орденских и епископских владений в Прибалтике соседними державами возрастала с каждым годом. Особенно после Войны коадьюторов

¹ Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 35, 58, 77; Полехов С.В. Известие хроники Германа Корнера о Вилькомирской битве и его исторический контекст // *Pabaisko mūšis ir jo erocha*. Vilnius, 2017. С. 104–106, 110–111; Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV в. Истоки конфликта. С. 96.

² Вебер Д. И. Организация сословно-представительных собраний в Ливонии в Средние века и раннее Новое время. С. 123.

³ Вебер Д.И. Магистры Немецкого ордена в Ливонии в 1525–1561 годах и реформационные процессы // Вестник Новосибирского гос. ун-та. 2011. Т. 10. Вып. 10. С. 114.

1556–1557 годов¹ (в науке часто используется и польское название этого вооруженного конфликта между Рижским архиепископством, поддержанным и спровоцированным Литвой, и Ливонским орденом — «Позвольская выправа»). Эта война обернулась новым поражением рыцарей в Прибалтике. Под угрозой литовского вторжения 14 сентября 1557 года магистр Вильгельм фон Фюрстенберг вынужден был подписать капитуляцию в городке Позволь на севере Литвы². После этого поглощение Ливонии Литвой стало лишь вопросом времени.

Данные обстоятельства побуждали действовать смело и решительно и московские власти. Ради окончательного решения Ливонского вопроса Иван Грозный и его советники даже отказались на время от стремления подчинить себе последнее в Восточной Европе татарское государство — Крымское ханство. Такое резкое изменение в политическом курсе Московского царства случилось скорее всего по инициативе

¹ Филюшкин А.И. Закат северных крестоносцев: «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е гг. М., 2015.

² Кoadьютор (епископ-коадьютор (лат. *coadjutor*) – католический прелат, назначавшийся папской курией заместителем (наследником) магистра рыцарского ордена или епархии. Война коадьюторов (Позвольская выправа) — конфронтация сторонников сближения с Польским королевством и ВКЛ (эту партию возглавлял рижский архиепископ Вильгельм Бранденбургский, родственник польского короля и литовского вел. князя Сигизмунда II Августа) и сторонников сохранения независимости Ливонской конфедерации, объединившихся вокруг Вильгельма фон Фюрстенберга, ставшего коадьютором (заместителем) при старом магистре Генрихе фон Галене, а 20 мая 1557 года — его преемником. В ходе военного конфликта Ливонская конфедерация вынуждена была признать поражение. Позвольский мир от 5 сентября (утвержден 14 сентября) 1557 года предусматривал выплату Ливонией 60 тыс. талеров. Однако отправка этих денег была приостановлена в обмен на заключение военного союза против Московского государства. Позволь — ныне город Пасвалис в Литве на р. Сваля, в месте ее впадения в р. Левую.

думного дьяка Ивана Михайловича Висковатого. Однако окончательное решение нажать на Ливонию принял, несомненно, Иван Грозный. Следствием произошедшего изменения внешнеполитического курса и стала начавшаяся в 1558 году 25-летняя война с западными державами, приведшая к тяжелому поражению Русского государства и отрицательно повлиявшая на дальнейшее развитие страны.

Время, когда было решено начать боевые действия (кон. 1557 — нач. 1558 годов), в самом деле могло считаться оптимальным. Другие страны, упорно старавшиеся не допустить получения Россией выхода к Балтийскому морю, оказались не способны в случае прямой опасности сразу поддержать Ливонскую конфедерацию. Швеции после поражения в войне с Московским государством (1554–1557 годы) была необходима передышка. Литва и Польша находились в затянувшемся процессе слияния в единое государство, имевшем не только сторонников, но и серьезных противников среди литовских князей (Радзивиллов, Ходкевичей, Острожских и др.) и шляхтичей. По этой причине остальные проблемы внешней политики, помимо турецко-крымской опасности, на время отошли для Ивана Грозного на второй план. Он, похоже, не ожидал, что польско-литовский государь Сигизмунд II на свой страх и риск предпримет решительные шаги, направленные на постепенное поглощение Ливонии Великим княжеством Литовским. Переломным событием, как уже было сказано, стала Война коадьюторов. Однако вовремя выдвинутые русские претензии на Юрьев Ливонский и Юрьевскую область (Дерпт и Дерптское епископство) едва не спутили эти хитроумные планы.

Первоначально власти ВКЛ и Польского королевства, несмотря на Позвольское соглашение, не были намерены принимать участие в продолжительном и тяжелом

противостоянии с Московским государством, так как вполне возможное поражение Литвы, несомненно, усилило бы Шведское королевство, нацеленное на господство в северной Европе и акватории Балтийского моря¹. Эти опасения, как показали последующие события, оказались небеспочвенными — первые же поражения Ордена в войне с Россией привели к захвату Швецией всех эстляндских земель.

Также и перекопский хан («царь» в терминологии русских официальных бумаг того времени), уstraшенный предыдущими победами Ивана IV, не собирался тогда возобновлять войны на русских границах, ограничиваясь обычными набегами. На поразительное миролюбие крымского владыки повлияло и осложнение внутривосточной обстановки в его государстве.

Однако кажущиеся выгоды выбранного момента для масштабного давления на Ливонскую конфедерацию, явились, как выяснилось впоследствии, главной и роковой ошибкой Ивана IV. Его поражение в войне за выход к Балтийскому морю было предопределено. На помощь дрогнувшему под первыми же ударами русских войск Ордену и его сателлитам вторгнутся в прибалтийские земли армии Швеции, Литвы, а затем и Польши — государств, правителей которых страшили успехи и территориальные приобретения России в Ливонии.

К тому же полностью разгромить Ливонскую конфедерацию и воспользоваться плодами первых побед Ивану

¹ О стремлении Великого княжества Литовского к развитию мирных отношений с Русским государством свидетельствует перезаключенное в 1556 году по инициативе Вильно перемирие между двумя странами. Оно на тот момент было выгодно обеим сторонам, так как обеспечило свободу и ВКЛ для действий в Прибалтике, где активизировались сторонники Сигизмунда-Августа, и России, усиливающей натиск на Крымское ханство.

Грозному не удалось. Отметим, что мнение о военной слабости Ордена, сложившееся в нашей исторической науке, представляется сильно преувеличенным¹. Определенную роль сыграло и активное сопротивление немецкого и коренного населения Прибалтики, не желавшего присоединения к Московскому государству. Поэтому, несмотря на успешные поначалу действия русских воевод, полностью овладеть небольшой страной в первые годы войны они так и не смогли. Возможно, и потому, что в Прибалтике было тогда около 200 больших и малых замков, не считая таких городов-крепостей как Рига, Ревель, Венден, Дерпт, Нарва. На русском рубеже находились также «сторожевые поместья» («wardguter»)². С вступлением в войну за Ливонское наследство Великого княжества Литовского, вскоре объединившегося с Польшей, а затем и Шведского королевства, борьба за Прибалтику для нашей страны стала бессмысленной, ведущей к полному истощению сил и ресурсов.

¹ Корольюк В.Д. Ливонская война. С. 22. Рассуждая на эту тему, А.И. Филюшкин написал: «Гибель Ливонской конфедерации во многом произошла из-за того, что ни орден, ни католическую церковь вообще никто особо и не старался защищать, кроме «последних рыцарей» вроде Фюрстенберга. Обильно цитируя обличительные высказывания Б. Рюссова, автор особо подчеркивает неготовность к обороне ливонских городов и замков. — Филюшкин А.И. Первое противостояние России и Европы. С. 114, 119. Однако любопытные факты о достаточно деятельной подготовке ландсгерров (правителей Ливонской конфедерации) к возможному нападению России приводит в своей диссертации и статье 2014 года Д.А. Бессуднов (ученик А.И. Филюшкина). В том числе он указывает на формирование отрядов самообороны из ливонских дворян и крестьян. — Бессуднов Д.А. Балтийская политика Польши и Литвы в середине XVI в. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. СПб., 2017. С. 124–125; Он же. К вопросу об обороноспособности Ливонии накануне первой военной кампании Ливонской войны // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2014. № 4 (33). С. 39–40

² Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV в. Истоки конфликта. С. 16.